

ВЫСШАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ — ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.: СОСТАВ, СЛУЖБА И ПОЛНОМОЧИЯ

Н. А. Комолов

Воронежский филиал Российского государственного социального университета

В статье исследуется структура, различные аспекты службы (особенности конкретных назначений, вступление в должность, социальный состав, материальное содержание и др.) и компетенция высшей администрации Воронежской губернии за полвека от смерти Петра I до реформы местного управления 1775 г., приводится перечень губернаторов, вице-губернаторов, их товарищей.

В дореволюционной России губернатор являлся важнейшим звеном государственного аппарата, ключевым элементом системы местного управления¹. За свою двухвековую историю (1709—1917) этот институт прошел эволюцию, сопровождавшуюся периодами усиления и ослабления роли губернатора при неизменном внимании к нему верховной власти².

Губернатор возглавлял высшую администрацию, куда до 1775 г. входили также вице-губернатор (он мог быть и самостоятельным руководителем губернии) и 1—2 товарища. К верхушке местной политической элиты относился и губернский прокурор. Узость его формальной компетенции и широта задач, которые возлагались на него фактически, делали областного прокурора органом, тесно связанным с высшей губернской администрацией, но, однако, не входящим в нее.

Настоящая статья продолжает затронутую нами ранее проблематику³. Хронологические рамки статьи охватывают период с 1725 г., когда Азовская

губерния была переименована в Воронежскую, до губернской реформы Екатерины II 1775 г., в результате которой в структуре областного управления произошли кардинальные перемены. Источниковую базу работы составили, прежде всего, материалы фондов Сената и Герольдмейстерской конторы, сосредоточенные в РГАДА. Историография вопроса представлена лишь работой дореволюционного краеведа Ф. И. Ильинского, доведенной им до 1737 г., и рядом наших публикаций⁴. В данной статье мы рассмотрим структуру высшей администрации Воронежской губернии, прохождение службы (вступление в должность, социальный и личный состав, материальную обеспеченность и т. д.), ее компетенцию. Ограниченный объем не позволяет рассмотреть низший исполнительный аппарат губернской канцелярии, оставляя его в стороне как объект отдельного исследования.

По нашим подсчетам в указанный период состав высшей администрации был представлен 12 губернаторами, 7 вице-губернаторами, 11 губернаторскими и вице-губернаторскими товарищами (см. таблицу). Цифры не могут считаться окончательными, особенно применительно к губернаторским и вице-губернаторским товарищам, должность которых до 1763 г. вообще отсутствовала в штате, и, возможно, к вице-губернаторам. Список собственно губернаторов является исчерпывающим и не содержит пробелов.

Какой-либо унифицированной структуры высшего губернского управления в России до начала царствования Екатерины II не существовало. Это наглядно подтверждается на примере Воронежской

¹ Из новейших крупных исследований по этой проблеме (не затрагивая справочные издания о губернаторах) выделим следующие: *Институт губернатора в России: традиции и современные реальности* / под ред. Н. С. Слепцова. М., 1997; *Матханова Н.П.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в. (конец 1830-х — середина 1860-х гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1999; *Лысенко Л.М.* Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII — начало XX века). М., 2001.

² Подробнее об общих тенденциях развития губернаторской власти см.: *Акиншин А.Н., Карпачев М.Д., Комолов Н.А.* Начальники Воронежской губернии // *Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710—1917: Историко-биографические очерки* / Ред.-сост. А. Н. Акиншин. Воронеж, 2000. С. 10—22.

³ *Комолов Н.А.* Формирование Азовской губернии и деятельность высших губернских администраторов в 10-е — 20-е годы XVIII в.: дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1998. С. 79—146, 160—191.

© Комолов Н. А., 2006

⁴ *Ильинский Ф.М.* Сведения о воронежских губернаторах // *Памятная книжка Воронежской губернии на 1907 г.* Воронеж, 1907. Отд. III. С. 34—63; *Комолов Н.А.* Воронежский губернатор Г. П. Чернышев (исторический портрет) // *Край Воронежский: история и традиции.* Воронеж, 1996. Вып. I. С. 110—114; *Он же.* Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. С. 45—106.

Высшая администрация Воронежской губернии в 1725–1775 гг.*

Губернаторы	Вице-губернаторы	Губернаторские и вице-губернаторские товарищи
Чернышев Г. П. (1725—1726)		
Лихарев И. М. (1726—1727)		
Измайлов И. П. (1727—1728)	Стрекалов И. В. (1727—1728)	
	Пашков Е. И. (1728—1734)	
Мякинин А. А. (1734—1735)		Богданов И. (1735)
	Лукин А. Д. (1735—1739)	Кутузов Т. К. (1736)
	Пересекин П. Ф. (1737—?) — и.о. вице-губернатора	Ярцов Б. И. (1737)
Урусов Г. А. (1740—1741)		
Гурьев В. М. (1741—1744)		Пересекин П. Ф. (ок.1742—1744)
	Хрипунов И. Е. (1744—1745)	Кропоткин А. М. (1744—1747)
		Бибиков Б. А. (1748—1755)
Пушкин А. М. (1747—1760)	Кошелев И. Р. (1756—1761)	
Жилин Ф. Я. (1761—1763)		Нечаев Г. (1757—1764)
Толстой Г. П. (1763—1764)	Спичинский Н. Ф. (ок.1763—1764)	
Лачинов А. П. (1764—1766)		Шеншин М. А. (1764—1768)
Маслов А. М. (1766—1773)		Полонский И. В. (1765—ок.1768)
		Попов Н. И. (1769—1779)
Шетнев Н. Л. (1773—1775)		Муромцев С. В. (1769—1779)

* Список губернаторов и вице-губернаторов в целом взят из справочника «Воронежские губернаторы и вице-губернаторы» (С. 24—25). К настоящему времени удалось определить датировку пребывания в должности вице-губернатора И. Хрипунова (1744—1745), выявить неустановленных прежде губернаторских и вице-губернаторских товарищей (И. Богданов, Т. К. Кутузов, Б. И. Ярцов), уточнить даты деятельности в Воронеже некоторых товарищей.

губернии. По штатам 1725 г. ей полагался губернатор и вице-губернатор⁵. Но впоследствии это положение соблюдалось далеко не всегда, и губернаторы управляли единолично при наличии вице-губернаторской вакансии или с товарищем. Воронежские вице-губернаторы, как и их коллеги из других губерний, являлись и самостоятельными правителями (Е. И. Пашков, А. Д. Лукин), и заместителями губернатора (И. В. Стрекалов, И. Р. Кошелев). Губернаторский товарищ был как помощником губернатора при неимении вице-губернатора (Б. А. Бибиков при А. М. Пушкине), так и помощником вице-губернатора (П. Ф. Пересекин при А. Д. Лукине). При отсутствии губернатора или вице-губернатора в случае его несвоевременного прибытия на место службы, отъезда или смерти товарищ становился единоличным руководителем губернии (А. М. Кропоткин). Единственный раз, во второй половине 50-х гг. XVIII в., высшая губернская администрация состояла одновременно из губернатора, вице-губернатора и товарища. Таким образом, ее состав до 1763 г. отличался значительной пестротой и неопределенностью.

Восшествие на престол Екатерины II привело к первым сдвигам в структуре областного управ-

ления. В 1763 г. были утверждены новые штаты, которые установили единообразие номенклатуры местных должностных лиц, в том числе представителей высшей чиновной иерархии: губернатор и два товарища⁶.

В петровскую эпоху назначение губернаторов находилось в руках монарха, затем до 1741 г. кандидатуры на главные посты в областной администрации представлялись Сенатом в учреждения, стоящие над ним — Верховный тайный совет (1726—1730) и Кабинет министров (1731—1741), которые их и утверждали. После воцарения Елизаветы Петровны назначение руководителей губерний было целиком возложено на Сенат, а со вступлением на трон Екатерины Великой оно перешло к самой императрице и генерал-прокурору Сената.

Юридически губернатор вступал в должность после указа о назначении, фактически — после приезда и получения от предшественника «росписного списка», который представлял собой опись казенного имущества и губернского делопроизводства. Составление этих списков в XVIII в. являлось одной из черт, унаследованных от допетровской эпохи. Между принятием указа и датой

⁵ ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. LXIII. Ч. 1. Книга штатов. Отд. I. к № 4764.

⁶ Готье Ю. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. СПб., 1913. Т. I. С. 30.

прибытия на место службы мог быть значительный временной разрыв, что создавало определенную сложность в преемственности власти. По закону прежний администратор должен был дожидаться приезда преемника, чтобы лично передать ему росписной список. На практике случалось так, что новый губернатор обнаруживал, что его предшественник уже покинул губернию. Тем самым процедура фактической передачи властных полномочий от одного губернатора к другому, означавшая непосредственное начало его деятельности, не соблюдалась. Именно это произошло в 1728 г., когда в Воронеж с большим опозданием прибыл новый вице-губернатор, бригадир Е. И. Пашков. Подполковник П. Борыков, исполнявший по поручению бывшего вице-губернатора И. В. Стрекалова обязанности начальника губернии, сообщил ему, что И. В. Стрекалов росписного списка не отдал. Как требовал закон, Е. И. Пашков сообщил о преждевременном отъезде своего предшественника в Сенат, который потребовал от него объяснений. И. В. Стрекалов оправдался тем, что, во-первых, указ предписывал ему немедленный отъезд в Москву, а во-вторых, он сам, не получив росписного списка от губернатора Г. П. Чернышева, составил его для своей «предосторожности», и он находился в губернской канцелярии. Сенат дальше разбираться не стал, учтя, что Е. И. Пашков тоже про штрафулся, отправившись вместо Воронежа в свои деревни «для забрания багажу», где и задержался⁷.

Таким образом, администратор, преждевременно покинувший губернию и персонально не вручивший преемнику росписной список, не всегда был виноват и заслуживал наказания, поскольку только выполнял высочайший указ о безотлагательном отъезде. Как видим, сама верховная власть нарушала собственные установления.

Практика составления росписных списков существовала по крайней мере до начала 60-х гг. XVIII в.⁸ Прибывший в Воронеж 10 декабря 1735 г. вице-губернатор А. Д. Лукин прислал затем росписной список⁹. 16 марта 1742 г. «вступил в дела» (т. е. получил росписной список) губернатор В. М. Гурьев, который и прислал его 15 апреля в Герольдмейстерскую контору¹⁰.

Источником заполнения вакансий губернской административной элиты являлись действующие

высшие военные чины (генералитет) или отставные от военной и гражданской службы лица. Воронежскому губернатору по штатам 1725 г. полагался ранг генерал-лейтенанта, вице-губернатору — генерал-майора¹¹, всем товарищам в 1736 г. был определен ранг коллежских советников¹². Обилием титулованных особ воронежские администраторы не отличались. Представителями самых древних фамилий были губернатор, князь Г. А. Урусов — потомок старинного татарского рода, и губернаторский товарищ, князь А. М. Кропоткин.

Полномочия свои губернаторы отправляли бессрочно. Назначение в отдаленную от столицы губернию, тем более для выходцев из знатных фамилий, вероятно, воспринималось как неудачный поворот карьеры, хотя наверняка квалифицировать это как следствие только придворных интриг, а не проявление уважения к компетентности и опыту лица, не приходится. Во всяком случае, именно так выглядит кратковременное губернаторство начальника главного интендантского управления страны Г. П. Чернышева, основной целью назначения которого была всеобъемлющая инспекция. Лишение возможности вращаться в придворной среде, вести богемную жизнь, усугубленное трудностями управления окраинными территориями, заставляло губернаторов, обладавших влиятельными друзьями и хорошими связями в столицах, поскорее выбираться из провинциального захудалого Воронежа. Поэтому такие влиятельные фигуры и видные государственные деятели, как сенаторы Г. П. Чернышев и Г. А. Урусов продержались в губернаторских должностях чуть более года. Перевод их в Воронеж выглядит как краткий эпизод их служебной биографии, не связанный с опалой. Например, Г. А. Урусов, который уже знал специфику положения региона, командуя Украинским ландмилицким корпусом, скорее всего, временно восполнил вакансию воронежского губернатора, пока не добился вторичного назначения сенатором¹³.

Наоборот, по сути, ссылкой воспринимается определение воронежским вице-губернатором Е. И. Пашкова, замешанного в придворных интригах¹⁴. Как фиаско его дипломатической карьеры следует трактовать перевод А. М. Пушкина, побывавшего в Голландии, Швеции, Дании, губернато-

⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 690. Л. 625—627 об.

⁸ Последние по времени составления книги росписных списков, которые удалось обнаружить, относятся к 1756 и 1760 гг. (РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 445; Ф. 248. Оп. 106. Д. 2553).

⁹ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 182. Л. 34 об.

¹⁰ Там же. Д. 264. Л. 34.

¹¹ ПСЗРИ. Т. LXIII. Ч. 1. Книга штатов. Отд. I. к № 4764.

¹² РГАДА. Ф. 248. Оп. 11. Кн. 619. Л. 25—28.

¹³ Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. С. 70.

¹⁴ Там же. С. 61—62.

ром в Воронеж, где он задержался на 12 лет¹⁵. Для некоторых воронежских губернаторов эта служба стала финалом жизненного пути (А.А. Мякинин, В. М. Гурьев, И. В. Хрипунов, А. М. Маслов), поскольку нередко назначались лица преклонного возраста (И. В. Хрипунов), прошедшие сибирскую ссылку (А. А. Мякинин). Сохранению здоровья и продолжительности жизни не способствовал и тяжелый местный климат. Еще азовский вице-губернатор С. А. Колычев в 1715 г. просил в качестве резиденции назначить ему не Воронеж, а Елец, поскольку воздух там «легче»¹⁶. В то же время для некоторых губернаторов неаристократического происхождения назначение в Воронеж было, вероятно, желанным событием. Здесь можно вспомнить дело об определении воронежским губернатором И. М. Лихарева, сопротивлявшегося своему переводу в Архангельск¹⁷.

Губернаторы не принадлежали к местному обществу, поэтому не отстаивали ни его интересы, ни интересы вверенной территории. Они были лишь посредниками между центром и регионами, призванными своевременно обеспечить возрастающие требования первого. Екатерининские губернаторы выглядели более инициативными в сравнении со своими предшественниками, что имело и законодательное обоснование. «Наставление» губернаторам 1764 г. внушало им мысль, что они являются опекунами и хозяевами областей, а это стимулировало губернаторскую активность. В частности, А. П. Лачинов и А. М. Маслов подали доношения и «пункты» с предложениями об упорядочении жизни однодворцев Воронежской губернии¹⁸.

Указом от 23 июня 1740 г. губернаторам и другим представителям местного управления запрещалось покупать земли и крепостных в подведомственных им губерниях, провинциях и уездах¹⁹. Положения этого акта в отношении лишь губернаторов были отменены противоположным указом от 27 января 1766 г.²⁰ И администраторы не замедлили воспользоваться поблажкой. Как следует из доношения А. М. Маслова от 14 мая 1769 г., губернатор купил у вдовы Пахомовой 100 четвертей земли. За недостаточностью крепостных он просил поселить на ней малороссиян для разведения ско-

та, виноградных садов и шелковичных деревьев, на что и получил устное «благоволение» Екатерины II. Затем А. М. Маслов подал в Межевую канцелярию прошение о покупке еще 1000 четвертей порозжей земли, которая прилегла к тому месту. Так как Сенат стал оспаривать его права, губернатор просил императрицу закрепить за ним владение официальным документом. Интересно, что Екатерина II забыла, «по какой причине Вам сие позволение дано». Поэтому просвещенная императрица приказала написать, в какой силе и когда представление Ваше о сей слободе состоялось, и «какое на то от Ея Величества» сделано повеление²¹. В итоге для А. М. Маслова все закончилось благополучно.

Исполнительным органом при губернаторе была канцелярия. В 1730 г. в Воронежской губернской канцелярии служили нотариус, актуариус, надсмотрщик крепостных дел, 23 канцеляриста, 13 подканцеляристов, 21 копиист. В 20—30-е гг. XVIII в. в Воронежской губернской канцелярии работали секретари Козьма Данилов (с 1726 г.), Семен Красильников (с 1732 г.), Григорий Пахомов (с 1732 г.), Сергей Арменинов (с 1732 г.), Алексей Деев (с 1732 г.), Роман Пахомов (с 1734 г.)²². Правительство не отождествляло губернатора и его канцелярию, что было четко обозначено в сенатском указе от 19 октября 1759 г. Указ предписывал однодворческим управителям быть «в полном ведомстве» губернаторов, а губернской канцелярии «в ведомство тех управителей не вступать»²³. Поводом принятия такого решения стал следующий случай. В 1759 г. воронежский губернатор А. М. Пушкин получил предписание распределить селения однодворцев по дистриктам и назначить туда управителей. Когда он отдал распоряжение губернской канцелярии отправить в провинции соответствующие указы, то резолюция принята не была, ибо вице-губернатор и товарищ стали утверждать, что однодворцы подчинены не одному губернатору, а всей канцелярии. Сенат не подтвердил их притязаний²⁴. Таким образом, этот прецедент четко обозначил позицию центральной власти о соотношении полномочий губернатора и канцелярии.

В 1749 г. Сенат принял указ, который унифицировал внешнее устройство губернских канцеля-

¹⁵ Там же. С. 79—80.

¹⁶ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 103. Л. 89 и об.

¹⁷ Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. С. 53—55.

¹⁸ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 650. Л. 25—29; Сенатский архив. СПб., 1913. Т. XV. С. 803—805.

¹⁹ ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. XI. № 8145.

²⁰ Там же. СПб., 1830. Т. XVII. № 12554.

²¹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 650. Л. 57—59, 74.

²² Там же. Ф. 248. Оп. 10. Кн. 568. Л. 313.

²³ ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. XV. № 10978.

²⁴ Дмитриев Ф.М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1899. Т. 1. С. 451—452.

рий. Соответствующий указ был послан из Камер-коллегии в Воронежскую губернскую канцелярию 16 октября 1749 г. Им предписывалось губернаторам и их семьям строить 8 «покоев» (зал в 10 аршин и покои в 6—8 аршин). Актуальность этого вопроса проявилась в 1758 г., когда в Воронеже сгорел губернаторский дом. 29 августа губернская канцелярия очень просила выдать требуемую сумму на строительство нового здания, дабы губернатор А. М. Пушкин «с ево фамилиею за неимением казенного губернаторского дому в будущую осень и зиму не мог понести крайней нужды»²⁵.

Губернаторы были обязаны присутствовать в канцелярии при рассмотрении всех дел, после 1764 г. — только важнейших. Так, в 1766 г. белгородский губернатор В. В. Нарышкин, который игнорировал посещение присутствия, а посылал туда указы, получил выговор. Уехать в отпуск для лечения болезни, решения семейных и имущественных дел руководители губерний могли только с разрешения вышестоящих органов. 28 мая 1769 г. воронежский губернатор А. М. Маслов подал прошение разрешить ему для лечения болезни съездить на два месяца в Москву. Любопытно, что болезнь губернатора, по его словам, была засвидетельствована бывшим в то время в Воронеже академиком Г. С. Гмелиным и признана тем несомненной. А. М. Маслов добавлял, что выздоровел не до конца и долечить болезнь за отлучкой Г. С. Гмелина, отсутствием постоянного медика и лекарств в Воронеже невозможно. Он просил не вычитать жалованье, так как будучи в Москве, «по нужным делам и исправлениям по губернии» продолжит отдавать распоряжения.

Сохранилось ответное письмо Екатерины II, отправленное из Петергофа 16 июня 1769 г. В нем великая императрица писала, что на прошение об отпуске для излечения болезни «тотчас согласилась бы, но, зная, сколь нужно теперь присутствие Ваше в Воронеже», приказала послать из Москвы доктора. Доктором предлагалось «пользоваться», сколько будет надобен. Отлучиться в Москву на два месяца без вычета жалованья позволялось в том случае, если сей «способ» будет для излечения недостаточен²⁶. Это письмо — очередное свидетельство тех особых отношений между «опекунами» губерний, деятельность которых была наиболее плодотворной, и монархом, стремившимся сделать их своими доверенными лицами в регионах.

25 РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 31064. Л. 1—30.

26 Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 650. Л. 55, 73.

Администраторы, которые отъезжали без указа, подвергались суровым материальным взысканиям. Например, на Е. И. Пашкова, самовольно уехавшего в свою деревню, был в 1734 г. наложен штраф в 500 руб., что составляло 80 процентов его жалованья²⁷. Вице-губернатор свою вину отрицал, жаловался, что платить нечем, ибо отягчен «многими штрафами». Однако Сенат, невзирая на все оправдания, приказал деньги взыскать «по прежнему сенатскому решению, несмотря ни на какие его отговорки»²⁸. Тем не менее, 17 ноября 1740 г. этот штраф «для поминовения» Анны Ивановны было предписано «не взыскивать и из доимки выключить»²⁹.

По штатам 1725 г. воронежские губернаторы, как и большинство их коллег, получали жалованье 809 руб. 50 коп., вице-губернаторы — 671 руб. 60 коп., губернаторские товарищи — 300 руб.³⁰. Платилось оно согласно указу 1731 г. ежеквартально (по третям года) из доходов губернии. Жалованье, безусловно, не отвечало материальным запросам должностных лиц соответственно их служебному положению и толкало их на всевозможные злоупотребления. Этому способствовали штрафные вычеты из жалованья либо его неуплата за серьезные упущения по службе. Е. И. Пашков, в частности, писал, что не получал его три года.

Выплата по сложившейся практике производилась по ходатайству заинтересованного лица, а в случае его смерти — по требованию родственников. Так, наследники скончавшегося в Воронеже в 1735 г. губернатора А. А. Мякинина просили выдать его жалованье за время управления им губернией. Резолюция Кабинета министров от 5 февраля 1740 г. была положительной³¹.

Губернаторы, как правило, поднимали вопрос о жалованье немедленно по прибытии на место службы. В отношении назначенного 2 марта 1740 г. воронежским губернатором Г. А. Урусова Сенат по его доношению 25 сентября того же года вынес утвердительный приговор³². В апреле 1742 г. В. М. Гурьев, жалуясь на свою бедность от малочисленности деревень и крепостных, которые за длительным отсутствием хозяина на армейской

27 Там же. Ф. 248. Оп. 10. Кн. 546. Л. 448.

28 История Правительствующего Сената за 200 лет. 1711—1911. СПб., 1911. Т. 1. С. 632.

29 Сенатский архив. СПб., 1889. Т. II. С. 123.

30 ПСЗРИ. Т. LXIII. Ч. 1. Книга штатов. Отд. I. к № 4764; РГАДА. Ф. 248. Оп. 11. Кн. 619. Л. 27 об.

31 Сборник Русского исторического общества (далее — Сб. РИО). Юрьев, 1912. Т. 138. С. 87—88.

32 РГАДА. Ф. 248. Оп. 11. Кн. 629. Л. 373—381.

службе «без призрения пришли во истощание и убожество», просил наградить его «хотя двутретним окладом» генерал-майора (1170 руб.). Объяснял он это необходимостью платить учителю трех его детей, которым полагалось дать обязательное образование на основании высочайшего указа. В. М. Гурьев сетовал, что его оклад в 809 руб. совершенно не устраняет его «неимущество». 2 сентября 1742 г. по делу было вынесено отрицательное решение³³.

Екатерина II, пытаясь пресечь или хотя бы уменьшить масштабы взяточничества и казнокрадства, существенно повысила оклады. Губернатор стал получать 1875 руб., товарищ — 600 руб.³⁴

Наиболее тяжелым для губернаторов было правление Анны Ивановны, правительство которой, не считаясь с интересами господствующего сословия, активно их карало, прежде всего, материально. Так, в начале 1730-х гг. были оштрафованы за неприсылку в срок донесений о доимке 7 губернаторов и воронежский вице-губернатор Е. И. Пашков³⁵. В 1740 г. подвергся штрафу на 220 руб. его белгородский коллега И. М. Греков за то, что своевременно не прислал необходимую финансовую отчетность в Камер-коллегию и Счетную контору Военной коллегии³⁶.

Начальник губернии обладал значительными полномочиями, зафиксированными в наказе 1728 г., который в 1764 г. был дополнен «Наставлением» губернаторам. Деятельность их можно с определенной условностью подразделить на военную, внешнеполитическую (для пограничных губерний), административную, полицейскую, финансовую и судебную. Воронежский губернатор Г. П. Чернышев руководствовался персональной инструкцией 1725 г., в основе которой лежал наказ воеводам, данный в 1719 г. Важно подчеркнуть, что областные правители (губернаторы и воеводы) в своей повседневной практике исполняли самые разнообразные дела и поручения, не предусмотренные инструкциями.

Военные обязанности губернаторов состояли в обеспечении регулярной армии рекрутами, лошадьми, провиантом, амуницией, сохранении исправного состояния провиантских магазинов. Они командовали гарнизонными полками, а в некоторых пограничных местностях — полевыми полками. Специфической функцией воронежского губер-

натора следует считать его участие в местном ко-раблестроении. В указанный период оно возобновлялось дважды: в 1735—1739 гг. и 1768—1771 гг. Усилия губернатора А. М. Маслова по набору рабочих людей и рекрут в конце 1760-х гг. не остались незамеченными. Императрица была довольна активностью губернатора, о чем уведомила адмирала А. Н. Сенявина³⁷.

Внешние сношения составляли специфику деятельности начальников пограничных губерний, в том числе Воронежской. В инструкции Сената генерал-майору Г. П. Чернышеву³⁸ предписывался прием послов из других государств. Кроме того, воронежские губернаторы, как и руководители других пограничных губерний, получали сведения от донских атаманов, купцов, иных агентов о политической ситуации в Крымском ханстве, Азове (до его присоединения к России в 1739 г.), эпидемиях в турецких владениях и информировали об этом центральную власть. Г. П. Чернышев должен был от себя посылать шпионов в донские городки.

К административным обязанностям губернатора относились объезд территории губернии, приведение к присяге новому монарху, публикация правительственных актов, надзор за почтой и исправным состоянием больших дорог. Также он должен был принимать меры по борьбе с эпидемиями и эпизоотиями, надзирать за торговлей, за исполнением сословиями своих повинностей, за заповедными лесами, информировать верховную власть о хлебных ценах, развивать горное дело. В инструкции Г. П. Чернышеву отдельно акцентировались обязанности губернатора по обеспечению нормального таможенного режима. Он должен свободно пропускать через границу русских, украинских, крымских и турецких купцов, но с запретом под угрозой конфискации товара заезжать к запорожцам. Иностранцев купцов при условии уплаты торговой пошлины следовало беспрепятственно пропускать в страну и из страны.

Узкие рамки статьи не позволяют подробно охарактеризовать все административные полномочия губернатора. Остановимся в качестве иллюстрации на некоторых из них. Объезд южной Воронежской губернии с инспекционной целью, особенно в период напряженных отношений с Турцией, составлял ответственную обязанность губернатора. Ездить по губернии пришлось Г. П. Чернышеву и А. Д. Лукину. Примечательно, что невоз-

³³ Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. С. 73—74.

³⁴ ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. XLIV. Ч. II. к № 11991.

³⁵ Готье Ю. Указ соч. С. 190.

³⁶ Сб. РИО. Т. 138. С. 404, 573—576.

³⁷ Сб. РИО. СПб., 1872. Т. 10. С. 394—395.

³⁸ ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. VII. № 4700.

возможность ездить верхом из-за увечья была использована как аргумент противниками назначения губернатором в Воронеж И. М. Лихарева в 1727 г.³⁹.

Приведение к присяге становилось актуальной заботой для губернатора в начале каждого царствования. Принимая во внимание особенную значимость этого мероприятия надо полагать, что губернаторы выполняли и контролировали его исполнение с повышенным рвением. Так, в 1725 г. Г. П. Чернышев доносил в Кабинет об отсутствии неприсягнувших лиц⁴⁰.

Вспышки эпидемий в южных российских и турецких областях требовали принятия мер предосторожности и в Воронежской губернии⁴¹.

К экстраординарным административным обязанностям губернских властей относились действия, связанные с проездом монарха через губернию, выборами депутатов в Уложенные комиссии, проведением ревизий (начиная с 3-ей), подавлением восстаний, ловлей для самодержца зверей и птиц⁴². Некоторые экстраординарные обязанности были связаны с региональными особенностями. Например, 8 февраля 1728 г. из Верховного тайного совета был послан указ воронежскому губернатору с требованием прислать известие о старинной черте. Ее следовало описать, начав от Белгорода, все уезды Воронежской и Астраханской губерний, «до которых мест она продолжилась» и «учинить» чертеж, отмечая, «в которых местах прежде сего бывали какие крепостцы», расстояние между ними и «на каких урочищах»⁴³.

Полицейские обязанности губернатора состояли в борьбе с разбойниками, беглыми крестьянами и рекрутами, в искоренении гулящих людей и приписке их к податным сословиям, выдаче паспортов, в надзоре за тюрьмами, исполнении публичных наказаний, борьбе с корчемством, в противопожарных мерах, надзоре за правильностью мер и весов, за чистотой в городе, в контроле за регулярностью выполнения церковных обрядов и посещения служб.

Обеспечение общественной безопасности являлось одной из важнейших и наиболее трудных обязанностей областной администрации. В XVIII в. преступность имела настолько всеобъемлющий

характер, что, по сути, являлась всенародным бедствием. Наиболее сложная криминальная ситуация сложилась в Поволжье и в южных губерниях, поскольку сюда стекались толпы беглых крестьян, рекрутов, солдат, заключенных. Безуспешность действий местных властей в этом направлении вынуждала центр прибегать к мере, выработанной практикой XVII в., — посылке команд, возглавляемых экстренными правительственными агентами — сыщиками⁴⁴. С 1756 по 1762 гг. в губерниях действовали главные сыщики, независимые от губернатора. Главным сыщиком по Белгородской и Воронежской губерниям был действительный статский советник Алексей Татищев⁴⁵. После воцарения Екатерины II 17 сентября 1762 г. сыщики были отменены и борьба с ворами и разбойниками опять возложена на губернаторов и воевод.

Областная администрация всех уровней осуществляла выдачу паспортов лицам из податных сословий, прежде всего крестьянского, в случае их поездок. Однако после воцарения Елизаветы Петровны правительство предприняло решительные меры по изъятию документации, содержащей титул малолетнего императора Иоанна Антоновича и герцога Курляндского Бирона. В губернии, в том числе и в Воронежскую, был послан указ об изъятии паспортов⁴⁶.

К общим полицейским обязанностям губернаторов примыкали и функции, связанные с тайной полицией. Губернатор Г. П. Чернышев был обязан смотреть, чтобы «никакие шпионы от государственных неприятелей в его губернии не обрелись», жители с казаками и запорожцами «подозрительных корреспонденций» не имели. Последних не следовало пропускать в Воронежскую губернию «ни для каких дел»⁴⁷.

Губернаторы осуществляли суд по всем категориям уголовных дел, по гражданским делам (кроме духовенства, купечества, дворцовых, церковных и вотчинных крестьян), нарушениям карантинного режима, утверждали смертные приговоры. Они были апелляционной инстанцией на приговоры провинциальных и городских воевод, ратуш, осуществляли юридическую процедуру, связанную с вводом во владение землей. Эта сфера деятельности высшей администрации типична и не имеет каких-то региональных отличий. В

³⁹ Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. С. 53.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Тетради записные, 1725 г. Л. 19 об.; Отд. II. Кн. 74. Л. 621.

⁴¹ Морская язва в Астрахани в 1728 г. обусловила ряд доношений вице-губернатора И. В. Стрекалова (РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 71. Л. 5, 7, 11—13).

⁴² Готье Ю. Указ. соч. С. 375—384.

⁴³ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 71. Л. 6.

⁴⁴ О сыщиках XVII в. см. подробнее: Глазьев В.Н. Власть и общество на юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001. С. 70—75, 131—140.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 6. Кн. 352. Л. 376.

⁴⁶ См. например: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 278. Л. 692.

⁴⁷ ПСЗРИ. Т. VII. № 4700.

1719—1727 гг. (фактически с 1721 г.) существовал Воронежский надворный суд, президентом которого являлся местный губернатор. Таким образом, положенная в основу переустройства правосудия идея отделения суда от администрации не была реализована⁴⁸.

Финансовые функции губернаторов сводились к сбору податей, прежде всего подушной, отправке сумм и недоимок в военное ведомство, отдаче на откуп, осуществлению подрядов, аккумуляции денег.

Огромные полномочия, которыми обладал начальник губернии, давление, которое он испытывал со стороны центра, способствовали различным злоупотреблениям властью. В отношении наиболее зарвавшихся администраторов возбуждались следствия, эффект которых был незначителен. Различные факторы (покровительство высокопоставленных лиц, смена царствования, как правило, сопровождавшаяся амнистией, продворянский характер правительственной политики и т. д.) позволяли областным правителям избегать страшных ударов Фемиды.

Наибольший резонанс получило дело воронежского губернатора А. М. Пушкина, примечательное, прежде всего, персоной подследственного — человека, представлявшего до этого Россию

⁴⁸ ГАВО. Ф. И-176. Оп. 1. Д. 2. Л. 29 об. Подробнее о судебной системе 1720-х гг. см.: Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719—1727 гг. М., 1902. С. 164—256.

при нескольких европейских дворах. Елизавета Петровна, узнав о том, какие «великие разорения и лихоимства, и самые грабительства» творили воронежский губернатор А. М. Пушкин и белгородский П. М. Салтыков, указала Сенату «строжайше о том исследовать». Следствие длилось 16 месяцев, и было прекращено на следующий день по воцарении Петра III. А. М. Пушкина уволили в отставку «для его старости» с пожалованием в тайные советники. Однако своей полной реабилитации при великой Екатерине бывший губернатор так и не добился⁴⁹.

Таким образом, в рассматриваемые полвека Воронежская губерния сохраняла значение пограничной территории, поэтому обязанности местных губернаторов, помимо традиционных, предусмотренных наказом 1728 г. имели свои региональные особенности. Они были зафиксированы в нескольких инструкциях губернатору Г. П. Чернышеву 1725 г. Эти особенности отразились на деятельности высшей администрации Воронежской губернии, связанной с участием в кораблестроении, борьбе с набегами крымских татар, в отношениях с донскими казаками, укреплении крепостей, осуществлении пограничного и таможенного контроля, колонизации и других мероприятиях, связанных с укреплением обороноспособности южных районов губернии, их заселению, обеспечению здесь мирной жизни и окончательному закреплению в составе России.

⁴⁹ Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. С. 82—83.